

Шолом-Алейхем

Мальчик Мотл

Перевод с идиш
Михаила Шамбадала

ФТМ

Шолом-Алейхем

Мальчик Мотл

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8649811

Мальчик Мотл: ФТМ; Москва;

ISBN 978-5-446-71699-9

Аннотация

Повесть «Мальчик Мотл» – история еврейской семьи, которая в поисках лучшего перебирается в Америку.

Содержание

Часть первая	4
I. Сегодня праздник – плакать нельзя!	4
II. Мне хорошо – я сирота!	25
III. Что из меня выйдет?	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Шолом-Алейхем

Мальчик Мотл

Часть первая

Мотл – сын кантора Пейси

I. Сегодня праздник – плакать нельзя!

1

Я готов поспорить с вами на что угодно, что никто во всем мире не был так рад теплему, яркому предпасхальному дню, как мы, – я, Мотл, сын кантора Пейси, и соседский теленок по имени Мени (это я, Мотл, дал ему такое имя – Мени).

Оба вместе почувствовали мы первые лучи весеннего солнца в первый теплый предпасхальный день, оба вместе ощутили мы запах первой зеленой травки, пробивающейся из обнаженной земли, и оба вместе мы выбрались из мрачной тесноты навстречу первому, сладостному, светлому, теплему весеннему утру.

Я, Мотл, сын кантора¹ Пейси, вылез из ямы, из холодного, сырого подвала, пропахшего кислым тестом и аптекой. А Мени, соседского теленка, выпустили из еще более зловонного места: из маленького, темного, грязного, загаженного хлева с искривленными полуразрушенными стенами, сквозь которые зимой врывается ветер и снег, а летом хлещет дождь.

Вырвавшись на вольный божий свет, мы оба – я и Мени, – преисполненные благодарности к природе, стали выражать свою радость. Я, сын кантора Пейси, поднял обе руки, раскрыл рот и втянул в себя столько свежего воздуха, сколько мог, и показалось мне, что я расту и расту, что меня тянет все вверх и вверх, в синеву глубокого-глубокого небосвода, туда, где скользят редкие перистые облака, туда, где ныряют белые птицы, то показываясь, то исчезая, с чириканьем и писком. И из моей переполненной груди, помимо воли, вырвалась песня, – более прекрасная, чем та, что мы с отцом певали по праздникам у амвона, песня без слов, без нот, без мелодии, как напев падающей воды, набегающих волн, Песнь Песней,² божественная радость: «Отец небесный! Боже милосердный!»

Так выразил свою радость в первый день весны мальчик Мотл, сын кантора Пейси. Совсем по-иному проявил ее Ме-

¹ Кантор (хазн) – человек, читающий нараспев молитвы у аналоя (омед) во время синагогальной литургии.

² Песнь Песней – библейская книга; поэма любви.

ни, соседский теленок.

Мени, соседский теленок, прежде всего уткнулся черной влажной мордой в мусор, раза три поскреб передней ножкой землю, задрал хвост, затем подпрыгнул всеми четырьмя ногами и издал глуховатое «ме-е-е-е». Это «ме-е» показалось мне таким забавным, что я не мог не расхохотаться и не издать такого же «ме-е-е», в точности подражая Мени. Теленку, видно, это понравилось: он, недолго думая, повторил мычание, сопровождая его таким же прыжком. Само собой разумеется, что и я не замедлил со всей возможной точностью проделать то же самое и голосом и ногами. И так несколько раз: я – прыг, теленок – прыг, теленок – «ме-е-е», и я – «ме-е-е».

Кто знает, сколько длилась бы эта игра, если бы мой старший брат Эля не огрел меня всей пятерней по затылку.

– Провались ты сквозь землю! Парню уже почти девять лет, а он пускается в пляс с теленком! Домой пошел, паршивец ты этакий! Погоди, отец тебе задаст!

2

Вздор! Ничего мне отец не задаст! Отец болен. Он не молится у амвона уже с самого праздника «симхес-тойре».³ Ночи напролет кашляет. К нам ходит доктор, черный, толстый,

³ Симхес-тойре (праздник торы) – девятый, последний день еврейского осеннего праздника куши (сукек).

с черными усами и смеющимися глазами – веселый доктор. Меня он называет «пузырь» и щелкает пальцами по животу.

Он всякий раз наказывает матери, чтобы меня не перекармливали картошкой, а больному велит давать лишь бульон и молоко, молоко и бульон. Мать внимательно выслушивает его, а когда доктор уходит, она прячет лицо в передник, и плечи ее вздрагивают...

Затем она вытирает глаза, отзывает в сторону моего брата Элю и о чем-то с ним шепчется. О чем они говорят, я не знаю. Но мне кажется, они ссорятся. Мать его куда-то посылает, а он не хочет идти.

– Чем у них просить, – говорит он, – лучше в могилу! Лучше помереть мне, не сходя с места!

– Откуси себе язык, нечестивец этакий! Что ты говоришь? Так отвечает ему мать вполголоса, стиснув зубы, и машет на него руками; она, кажется, готова его растерзать. Однако скоро она смягчается и говорит:

– Что же мне делать, сын мой? Жалко отца... Надо же его спасти...

– Продай что-нибудь! – отвечает мой брат Эля, поглядывая на застекленный шкаф.

Мать тоже смотрит на шкаф, вытирает глаза и тихо говорит:

– Что продать? Душу? Нечего уже продавать. Разве что пустой шкаф?

– А почему нет? – отвечает мой брат Эля.

– Разбойник! – шепчет мать, глядя на него покрасневшими глазами. – Откуда только у меня дети такие разбойники?!

Мама возмущается, кипит, но, выплакавшись, вытирает глаза и идет на уступки. Так же было и с книгами, и с серебряной каймой от отцовского талеса,⁴ и с двумя позолоченными бокалами, и с ее шелковым платьем, и со всеми прочими вещами, распроданными поодиночке и каждый раз кому-нибудь другому.

Книги купил книгоноша Михл, человек с редкой бородашкой, которую он постоянно почесывает. Мой брат Эля ходил к нему, бедняга, трижды, покуда удалось привести его к нам домой. Мать очень обрадовалась, когда увидела книгоношу, и, приложив палец к губам, просила говорить тихо, чтобы не услышал отец. Михл понял, задрал голову к полке, почесал бородку и произнес:

– Ну-ка, покажите, что у вас там такое?

Мать кивнула мне, чтобы я влез на стол и достал книги. Вторично просить меня не пришлось. Одним прыжком я очутился на столе, но от восторга тут же растянулся во всю длину, да еще в придачу получил нахлобучку от моего брата Эли, чтобы я не прыгал как сумасшедший. Брат Эля взобрался на стол и передал книгоноше книги.

Михл одной рукой листал книги, другой почесывал бо-

⁴ Талес – молитвенное облачение: четырехугольное полотнище из шерсти или шелка белого цвета с синими или черными полосами по краям и особого рода кистями по углам. Некоторые талесы имеют в головной части еще широкую кайму, расшитую золотом или серебром.

родку и во всех книгах обнаруживал недостатки. У каждой книги свой изъян: тут переплет нехорош, у той корешок сильно изъеден, а эта книга вообще не книга... Когда же Михл пересмотрел все книги, все переплеты и все корешки, он почесал бородавку и сказал:

– Будь это «Мишнаэс»,⁵ полное собрание, я бы, пожалуй, купил...

Мать побелела как полотно, а брат Эля, наоборот, покраснел как рак. Он набросился на книгоношу:

– Что ж вы не могли сразу сказать, что покупаете только «Мишнаэс»? Чего же вы пришли голову морочить и время отнимать?

– Пожалуйста, тише! – упрощает его мать.

А из соседней комнаты, где лежит отец, уже слышен хриплый голос:

– Кто там?

– Никого нет! – отвечает мать и отправляет брата Элю к больному, а сама тем временем торгуется с книгоношей, продает ему книги, видно, очень дешево, потому что, когда Эля возвращается из отцовской комнаты и спрашивает: «Сколько?» – она его отстраняет и говорит: «Не твое дело!»

А Михл хватает книги, наскоро сует их в мешок и спешно исчезает.

⁵ «Мишнаэс» – древнейшая часть, основа талмуда; состоит из шести томов.

Из всех вещей, распроданных нами, ни одна мне не доставила столько удовольствия, сколько застекленный шкаф.

Правда, когда пришлось отпарывать серебряную кайму от отцовского талеса, мне тоже не было скучно. Прежде всего – торг с ювелиром Иоселем, изможденным человеком с красным пятном на лице! Три раза он уходил и, конечно, поставил на своем. Затем он, заложив ногу за ногу, уселся к окошку, взял отцовский талес, достал маленький ножик с желтым черенком из оленьей кости, согнул средний палец и стал отпарывать кайму так искусно, что, умей я так отпарывать каймы, я, кажется, был бы самым счастливым человеком на свете. И все же, посмотрели бы вы, как моя мать тогда расплакалась! Даже мой брат Эля, уже взрослый парень, жених, и тот вдруг отвернулся лицом к двери, сделал вид, что сморкается, скривил лицо. И, издав горлом какой-то странный звук, вытер полою глаза.

– Что там? – спрашивает отец из своей комнаты.

– Ничего! – отвечает мать, вытирая красные глаза, а нижняя губа и вся половина лица у нее так трясутся, что, право же, нужно быть крепче железа, чтобы не рассмеяться.

Но куда веселее было, когда дело дошло до шкафа.

Во-первых, как его заберут? Мне всегда казалось, что наш шкаф прирос к стене, – как же его возьмут? Во-вторых, куда

мать будет запирать хлеб, халу, тарелки, оловянные ложки и вилки (у нас были две серебряные ложки и одна серебряная вилка, но мать их уже давно продала), и где мы будем держать мацу на пасху?

Все эти мысли приходили мне на ум, когда столяр Нахмен стоял у шкафа и измерял его огромным красным ногтем большого пальца измазанной руки. Он все время уверял, что шкаф не пройдет в дверь. Смотрите сами: вот вам ширина шкафа, а вот вам дверь – никак не вынести!

– Как же он попал в дом? – спрашивает мой брат Эля.

– А ты его спроси! – сердито отвечает Нахмен. – Почему я знаю, как он попал в дом? Внесли его, он и попал!..

Была минута, когда я очень боялся за наш шкаф. То есть я думал, что он останется у нас. Однако вскоре столяр Нахмен пришел с двумя сыновьями – тоже столярами, и подхватили наш шкаф, как черт меламеда.

Впереди шел Нахмен, за ним оба сына, а позади – я. Отец командовал: «Копл, в сторону! Мендл, вправо! Копл, не торопись! Мендл, держи!...» Я помогал. Мать и брат Эля не хотели помогать. Они стояли, смотрели на пустую стену, покрытую паутиной, и плакали... Удивительные люди: только и делают что плачут!.. Вдруг – тррах! У самой двери в шкафу треснуло стекло. Столяр и его сыновья стали ругаться, сваливать один на другого вину.

– Повернулся! Оловянная птичка!

– Косолапый медведь!

- Черт его побери!
- Провались ты ко всем чертям!..
- Что там? – слышится хриплый голос из наты больного.
- Ничего! – отвечает мать и вытирает глаза.

4

Самая большая радость была у меня, когда дело дошло до кушетки брата Эли и до моей кровати. Кушетка брата раньше была диваном, на котором сидели. Но с тех пор как брат Эля стал женихом и начал спать на диване, а я на его кровати, диван превратился в кушетку.

Раньше, в добрые времена, когда отец был здоров и вместе с четырьмя певчими распевал молитвы в синагоге, в диване были пружины. Теперь пружины мои. Я проделывал с ними всякие фокусы: покалечил руки, чуть не выколол себе глаза, а однажды надел на шею и едва не задохся. Кончилось это тем, что брат Эля отдубасил меня, забросил пружины на чердак и убрал лестницу.

Кушетку и кровать купила Хана. До того как она купила эти вещи, мать не позволяла чересчур тщательно разглядывать их.

– Вот, что видите, можете купить, а смотреть там чего!

Но когда Хана уже сторговалась и дала задаток, она подошла к кушетке и к кровати, приподняла постель, осторожно заглянула во все потайные места и стала неистово отплевы-

ваться... Мать рассердилась и даже хотела вернуть задаток, но вмешался брат Эля:

– Купили – пропало!

Постелив себе на полу, мы оба – я и мой брат Эля – растянулись, как графы, накрылись одним одеялом (его одеяло продали), и мне было очень приятно услышать от моего старшего брата, что спать на полу вовсе не так плохо.

Я дождался, пока он прочел молитву на сон грядущий и заснул. Тогда я стал кататься по всему полу. Места теперь, слава богу, вдоволь. Раздолье! Простор! Рай земной!

5

– Как дальше-то быть? – говорит однажды утром мать, обращаясь к моему брату Эле, и, наморщив лоб, оглядывает голые стены.

Я и брат Эля помогаем ей осматривать все четыре стены. Брат смотрит на меня озабоченно и с жалостью.

– Ступай во двор! – говорит он мне строго. – Нам нужно кое о чем посоветоваться...

На одной ноге я выскакиваю на улицу и, конечно, сразу же – к соседскому теленку.

За последнее время Мени подрос, похорошел, черная мордочка стала миловидной, круглые глаза – умней, совсем как у человека, как у разумного существа: глядит, не дадут ли ему чего-нибудь, и очень любит, когда ему двумя

пальцами почесывают шею.

– Уже? Опять с теленком возишься? Никак расстаться не можешь со своим дорогим другом?

Это говорит мой брат Эля, но на этот раз не ругается. Он берет меня за руку и рассказывает, что мы пойдем к кантору Герш-Беру. У кантора Герш-Бера, говорит он, мне будет хорошо. Во-первых, меня там будут кормить. А дома сейчас скверно: отец болен, надо его спасать.

– Мы, – говорит Эля, – спасаем его, как можем...

При этом он расстегивает свой кафтан и показывает на жилет.

– Вот... Были у меня часы... подарок от будущего тестя... пришлось продать. Если бы он узнал, творилось бы бог знает что! Светопреставление!

Я благодарю бога за то, что будущий тесть Эли ничего не знает о часах, что светопреставления не будет. Подумать только, – если бы дело дошло до светопреставления! Что бы тогда было с Мени, с соседским теленком? Бессловесное существо!..

– Вот мы и пришли! – говорит брат Эля, который с каждой минутой становится все добрее и ласковее ко мне.

Герш-Бер слывет знаменитым кантором. Собственно, сам он не поет – у него, бедняги, голоса нет. Так говорит отец. Но он знает толк в пении. Певчих у него десятка полтора, а сам он страсть какой сердитый!

Он прослушал меня. Я с выкрутасами спел одну из суб-

ботных молитв. Кантор провел рукой по моим волосам и заявил брату, что у меня сопрано.

Брат Эля добавил:

– Не просто сопрано, а всем сопрано сопрано!..

Брат Эля поторговался с ним, получил задаток и сказал, что я уже остаюсь здесь, у кантора Герш-Бера. Мне надо его во всем слушаться и не скучать...

Легко ему говорить – не скучать! Лето, – а мне не скучать? Солнце печет, небо, как хрусталь, грязь уже давно просохла. На улице возле нашего дома свалены бревна. Это не наши, это бревна богача Иоси. Он собирается строить дом, приготовил бревна, но некуда было их сложить, – он и бросил их возле нас.

Большое спасибо ему, богачу Иосе! Ведь я из бревен могу строить для себя «крепость», а между бревен растет репейник и хлопущка. Колючками репейника можно швыряться и колоть, а хлопущки надувают и хлопают ими себе по лбу – они лопаются.

Мне хорошо! И Мени, соседскому теленку, тоже хорошо. Я и Мени здесь единственные хозяева. Так как же мне не скучать по соседскому теленку Мени?!

6

Вот уже скоро три недели, как я живу у кантора Герш-Бера, но петь мне почти не приходится. У меня другая за-

бота. Я по целым дням таскаю на руках его дочку Добцю. Она горбатая. Ей еще и двух лет не исполнилось, но она тяжеленькая, – пожалуй, тяжелее меня. Я надрываюсь, таская ее на руках. Добця меня любит. Она обнимает меня тощими ручонками и цепляется тоненькими пальчиками. Зовет она меня «Кико». Почему Кико, – не знаю. Добця меня любит. Не дает мне спать ночи напролет: «Кико, ки!» Это значит: укачивай ее. Добця меня любит. Когда я ем, она вырывает у меня кусок изо рта: «Кико, пи!» Это значит: отдай мне!..

Меня тянет домой... Кормят здесь тоже не ахти как. Нынче праздник. Канун «швуэс».⁶ Хочется выйти из дому, посмотреть, как небо раскалывается. Но Добця не пускает. Добця меня любит: «Кико, ки!» – качай ее. Я качаю, качаю ее и засыпаю. И приходит ко мне гость, Мени – соседский теленок, смотрит на меня понимающими глазами и говорит: «Идем!» Мы спускаемся с горы к реке. Недолго думая, я засучиваю штанишки: «Гоп!» – и я уже в воде. Плыву, а Мени за мной. На том берегу хорошо. Нет ни кантора, ни Добци, ни больного отца... Просыпаюсь – это лишь сон...

Бежать! Бежать! Бежать! Но как бежать? Куда? Домой, ко-

⁶ «Швуэс» (пятидесятница) – еврейский религиозный праздник – пятидесятый день со второго дня пасхи. По библии – это праздник, посвященный созреванию пшеницы и первых плодов. По позднейшим расчетам ученых раввинистов, в этот день произошло «синайское откровение» – бог дал пророку Моисею «закон» – «десять заповедей», «Тору» (Пятикнижие Моисеево – первый раздел библии). Народное поверье говорит, что в канун этого праздника ночью на один миг раскрываются небеса, хотя очень трудно это заметить.

нечно... Но кантор Герш-Бер уже встал раньше меня. У него большой камертон, он пробует его зубами, подносит к уху. Он велит мне наскоро одеться и следовать за ним в синагогу. Сегодня во время предобеденной службы будут петь «исключительную вещь».

В синагоге я встречаю своего брата Элю. Как он сюда попал? Ведь он всегда молится в той синагоге, где отец служит кантором! Что это значит? Брат Эля говорит о чем-то с Герш-Бером. Мой хозяин недоволен. Он говорит:

– Так помни же, ради бога, сейчас же после обеда!..

– Пойдем! С отцом повидаться! – говорит мне брат Эля, и мы вместе идем домой.

Он идет, а я прыгаю, бегу, лечу.

– погоди! Куда ты летишь? – говорит брат и сдерживает меня.

Ему, видно, хочется со мной поговорить.

– Знаешь? Отец болен, очень, очень болен... Бог знает, что с ним будет... Надо его спасать, а спасать нечем. Никто не хочет помочь... А в больницу мать ни за что не отдает. Она лучше умрет, говорит, чем отдаст его в больницу... Тише, вот мама идет!..

7

С распростертыми руками идет нам навстречу мать, бросается ко мне на шею, и я чувствую на своих щеках ее сле-

зы. Брат Эля уходит к больному отцу, а я с матерью остаюсь на улице. Нас окружили со всех сторон: тут и жена нашего соседа, Песя-толстая, ее дочь Миндл, ее невестка Перл и еще две женщины.

– У вас гость к празднику? С гостем вас!..

Мать опускает опухшие глаза.

– Да, гость, гость. Ребенок! Пришел проведать больного отца... Как-никак дитя родное, – отвечает она собравшимся женщинам и добавляет тихо, обращаясь к одной соседке Лесе, сочувственно кивающей головой: – Ну и город! Хоть бы кто-нибудь обратил внимание... Двадцать три года отбарабанил у амвона... Здоровье загубил... Я бы, может быть, и спасла его, да нечем... Все, с божьей помощью, продала... До последней подушки... Сына в певчие к кантору отдала... Все ради него... Все ради больного.

Так жалуется мама соседке Лесе. Я оглядываюсь во все стороны.

– Кого ты ищешь? – спрашивает мать.

– Кого ему, шалуну, искать? Теленка, верно... – отвечает наша соседка Песя и обращается ко мне как-то особенно дружески: – Эх, мальчик! Нет уже теленка! Пришлось продать мяснику. Ничего не поделаешь. Одну скотину едва прокормишь, – где уж там о двух думать!..

Вот как – и теленок, значит, у нее уже «скотина»?

Чудная эта Песя. Всюду сует свой нос. Ей обязательно нужно знать, есть ли у нас к празднику молочная трапеза?

– Это вы к чему? – спрашивает мать.

– Просто так! – отвечает Песя и, достав из-под шали горшок со сметаной, сует его матери.

Мать обеими руками отталкивает от себя горшок.

– Господь с вами, Песя! Что вы делаете? Что вы? Разве мы бог вещь кто? Вы меня разве не знаете?

– Вот именно, – оправдывается Песя, – потому что я вас знаю... Коровка – не сглазить бы – за последнее время поправилась... Есть, слава богу, и сыр и масло. Я вам даю взаимы. Вы мне, даст бог, вернете...

И соседка Песя еще долго о чем-то говорит с матерью, а меня тянет к бревнам, к теленку, к теленку! Если бы не стыдно было, я бы расплакался.

– Если отец будет тебя о чем-нибудь спрашивать, говори: «Слава богу!» – наказывает мне мать, а брат Эля объясняет подробнее:

– Ты не вздумай жаловаться, басни рассказывать, выдумки разные!.. Отвечай только: слава богу. Слышишь, что тебе говорят?

И брат Эля вводит меня в комнату отца. Стол уставлен склянками, коробочками, баночками. Пахнет аптекой. Окно закрыто. Ради праздника комната убрана зеленою, на стенке у изголовья висит «могиндовид»,⁷ сплетенный из любистики. Это, верно, Эля смастерил. Пол устлан пахучей травой.

⁷ Могиндовид – буквально «щит Давида», шестиконечная звезда, эмблема еврейской религии.

Увидев меня, отец делает мне знак длинным тонким пальцем. Брат Эля подталкивает меня. Подхожу поближе. Я едва узнал отца. Лицо землистое. Седые волосы блестят, торчат поодиночке, будто нарочно воткнутые чужие волосы. Черные глаза сидят глубоко, как вставные, чужие глаза. Зубы тоже выглядят, как вставные, чужие зубы. Шея до того исхудала, что голова на вей еле держится. Хорошо еще, что он сидеть может... Губы издают какой-то странный звук, как при плавании: мпфу!.. Отец кладет мне на лицо горячую руку с костлявыми пальцами и криво улыбается, как мертвец.

В комнату входит мать, а следом за нею доктор, веселый доктор с черными усами. Он встречает меня как старого приятеля, угощает щелчком по животу и весело говорит отцу:

– У вас гость к празднику? С гостем вас!

– Спасибо! – отвечает мать и кивает доктору, чтобы тот осмотрел больного и прописал ему что-нибудь.

Доктор с шумом распахивает окно и сердится на брата Элю за то, что окно постоянно закрыто.

– Я вам уже тысячу раз говорил: окно любит, чтобы его держали открытым!

Брат Эля кивает в сторону матери: это она виновата, не даст открывать окно, все боится, как бы отец, упаси бог, не простудился. Мать знаком просит доктора, чтобы он скорее осмотрел больного и прописал что-нибудь. Доктор достает часы, большие золотые часы. Брат Эля впивается в них гла-

зами. Доктор замечает это.

– Вы хотите знать, который час? Без четырех минут половина одиннадцатого. А на ваших?

– Мои остановились, – отвечает брат Эля и как-то странно краснеет при этом от кончика носа до ушей.

Матери не терпится. Ей бы хотелось, чтобы доктор скорее осмотрел больного и прописал что-нибудь... Но доктор не торопится. Он расспрашивает о посторонних вещах: когда свадьба моего брата? Что говорит кантор Герш-Бер по поводу моего голоса? У меня, вероятно, говорит он, хороший голос. Голос, говорит он, передается по наследству. Матери невтерпеж! Доктор вместе со стулом поворачивается к больному и берет его сухую, горячую руку.

– Ну, кантор, как справляем нынешние праздники? Как молимся?

– Благодарение богу! – отвечает отец с мертвой улыбкой на губах.

– А именно? Меньше кашляли? Хорошо спали? – спрашивает доктор, наклонившись к нему совсем близко.

– Нет! – отвечает отец, едва переводя дыхание. – Наоборот... Кашлять – кашляем..., А спать – как раз не спится... Но, слава богу... праздник... такой день... Да и гость... на праздники...

Глаза всех устремлены на «гостя», а «гость» стоит потупившись, и мысли его витают где-то далеко отсюда, – возле сваленных бревен, где растут колючий репей и шелкаю-

щие хлопушки, возле соседского теленка, такого понятливо-го и превратившегося уже в «скотину», возле речки, шумно сбегаящей вниз, или еще дальше – в необъятной шири лазурного свода, который называют небом...

8

Сметана, которую наша соседка Песя-толстая дала нам «взаймы», пришлась очень кстати. Я и брат Эля справили молочную трапезу: оба макали свежую булку в холодную сметану. Это было совсем не плохо.

– Плохо только, что так мало, – заметил мой брат Эля, который в этот день был так настроен, что позволил мне даже не торопиться к кантору Герш-Беру и поиграть немного дома.

– Ведь ты у нас гость на праздники! – сказал он и позволил мне играть на бревнах, правда, с условием, чтобы я не слишком шалил и не порвал, чего доброго, единственную пару штанишек.

Ха-ха-ха! Не порвать единственную пару штанишек! Смеяться некому, честное слово! Вы бы видели эту пару штанишек, – ну и ну! Давайте лучше о штанишках не говорить! Поговорим лучше о бревнах богача Иоси. Ах, бревна, бревна! Богач Иося думает, что бревна принадлежат ему. Вздор! Бревна – мои! Я из них сделал дворец и виноградник. Я – принц. Принц разгуливает у себя в винограднике, срывает

хлопушку и – щелк по лбу, еще хлопушку – и снова щелк по лбу... И все мне завидуют. Даже сынишка богача Иоси, Генех-кривой. Он проходит мимо в новом люстриновом костюмчике, показывает на мои штаны, хохочет, щурит свой кривой глаз и говорит:

– Смотри, как бы ты чего не потерял...

– Уходи лучше подобра-поздорову, – отвечаю я, – не то брата позову!

К моему брату Эле мальчишки питают уважение, и Генех-кривой убирается восвояси, а я снова остаюсь один, я – снова принц у себя в винограднике... Жаль только, что Мени нет! Наш соседский теленок уже больше не теленок, он уже «скотина». Так говорит наша соседка Песя. Что это значит «скотина»? И зачем его продали мяснику? Неужели на убой? Для того ли он родился, чтобы его потом зарезали? Для чего рождается теленок, для чего рождается человек?

Вдруг я слышу из дома страшные крики и плач... Узнаю мамин голос... Подымаю глаза, – возле нашего дома толпа. Мужчины... Женщины... Входят, выходят... Я лежу на бревне ничком, мне хорошо! Погодите! Вон идет богач Иося! Он староста синагоги, в которой мой отец двадцать три года служит кантором. Иося когда-то был мясником. Теперь он торгует скотом и кожами и богат, очень богат. Иося машет руками, сердится на мать и толкует:

– Сто знацит? Сто знацит? Поцему мне не сказали, сто кантор Пейся так серьезно болен? (Он не выговаривает

«ш» и «ч».) Почему вы молчали?

– А зачем мне кричать? – оправдывается мать, обливаясь слезами. – Весь город видел, как я мучаюсь, хочу его спасти... Он сам все время так просил, чтобы его спасли...

Мать не может больше говорить, она заламывает руки, закидывает голову. Брат Эля подхватывает ее.

– Мама! Зачем ты оправдываешься? Мама! Не забывай, мама, сегодня праздник, сегодня плакать нельзя! Мама!

А богач Иосия горячится:

– Сто вы мне рассказываете – весь город! Кто это – город? Мне надо было сказать! Обязательно – мне! Все на мой счет! Погребение, саван – все, все на мой счет! А если нужно сто-нибудь для сирот, обращайтесь ко мне без стеснения!

Но слова богача мало успокаивают мать. Она все время плачет и виснет на руках у брата без чувств. А мой брат Эля, не переставая плакать, все напоминает ей:

– Сегодня праздник, мама! Сегодня праздник! Мама, нельзя плакать, мама!

Вдруг мне все становится ясным. Сердце сжимается, хочется плакать, сам не знаю по ком... Мне жаль матери, смотреть не могу, как она плачет, как убивается, как она трепещет у брата на руках. Я покидаю свой дворец, свой виноградник, подхожу к ней сзади и со слезами на глазах говорю ей то же, что и брат Эля:

– Мама! Сегодня праздник! Мама, сегодня «швуэс»! Мама! Нельзя плакать, мама!..

II. Мне хорошо – я сирота!

1

С тех пор как я себя помню, я никогда не был в таком почете, как сейчас. За что мне, собственно, такой почет? Отец мой, кантор Пейся, как вы уже знаете, умер в первый день праздника «швуэс», и я остался сиротой.

С первого же дня после праздника я и мой брат Эля стали читать кадеш.⁸ Эля и научил меня этой молитве.

Мой брат Эля – преданный и любящий брат, но учитель он плохой. Он вспыльчив, дерется! Он раскрыл молитвенник, уселся со мной и стал учить: «Да возвеличится, да святится великое имя его...»⁹

Он хочет, чтобы я сразу все запомнил. Повторяет раз и второй от начала и до конца, а потом велит мне говорить одному. Я пытаюсь, но дело не идет.

До второй строфы еще кое-как, а дальше – стоп... Тогда Эля толкает меня локтем и говорит, что голова у меня, видно, где-то на улице (угадал ведь!) или занята теленком (точ-

⁸ «Кадеш» – славословие богу в честь умершего родителя, которое сыновья обязаны читать ежедневно после каждой литургии в синагоге в течение одиннадцати месяцев со дня смерти родителя.

⁹ «Да возвеличится...» – начальная фраза славословия «кадеш».

но в голове у меня побывал!)... Он не ленится и повторяет со мной молитву еще раз. Кое-как добрались до середины, а дальше ни с места! Эля хватает меня за ухо и говорит:

– Если бы отец воскрес и увидел, какой у него сын!..

– Мне бы тогда не нужно было читать кадеш! – отвечаю я и получаю здоровенную оплеуху левой рукой по правой щеке.

Мать, заслышав, обрушивается на брата, кричит, чтобы он не смел меня бить, потому что я сирота.

– Господь с тобой! Что ты делаешь? Кого бьешь? Ты забыл, видно, что он – сирота?

Сплю я теперь вместе с мамой в отцовской кровати – это единственное, что осталось в доме из мебели. Почти все одеяло она отдает мне.

– Укройся, – говорит она, – спи, сиротинушка мой дорогой! Кушать-то нечего...

Я укрываюсь, но заснуть не могу. Все повторяю наизусть слова молитвы. В хедер¹⁰ я не хожу, не учусь, не молюсь, не пою. Свободен от всего.

Мне хорошо – я сирота!

2

Можете меня поздравить! Я уже знаю все наизусть. В си-

¹⁰ Хедер – еврейская религиозная начальная школа.

нагоге я становлюсь на скамью и отбарабаниваю свою молитву на славу. Голос у меня тоже неплохой, – наследство от отца: настоящее сопрано.

Мальчишки выстраиваются возле меня и завидуют. Женщины плачут. Состоятельные хозяева дарят мне копейку. Сынишка Иоси-богача, Генех-кривой (он ужасный завистник!), показывает мне язык, изо всех сил старается меня рассмешить. Но ему назло я смеяться не стану. Однажды это заметил синагогальный служка Арон, – он ухватил Генеха за ухо и потащил к дверям. Поделом!

Так как читать поминальную молитву приходится и утром и вечером, то я уже к кантору Герш-Беру больше не хожу и не таскаю на руках Добцю. Я свободен. Целые дни я провожу на реке – ловлю рыбу или купаюсь. Ловить рыбу я научился сам. Если хотите, могу и вас научить. Снимают рубаху, завязывают узлом рукава и медленно бродят по горло в воде. Идти нужно долго-долго. Когда почувствуете, что рубаха стала тяжелая, – значит, она полна. Тогда вы выходите из воды и как можно скорее вытряхиваете из рубахи всю грязь и водоросли и хорошенько присматриваетесь. В водорослях часто попадаются лягушата, бросьте их обратно в воду – жалко их. А в густой грязи можно иной раз найти пиявку.

Пиявки – это деньги. За десяток пиявок вы можете получить три гроша – полторы копейки. На улице такие деньги не валяются!.. А рыбы не ищите. Когда-то водилась рыба,

а нынче нет. Да я за ней и не гонюсь. Я рад, когда попадают-ся хотя бы пиявки. Их тоже не всегда найдешь. Нынешним летом не было ни одной!

Каким образом мой брат Эля узнал, что я занимаюсь рыб-ной ловлей, ума не приложу! Он однажды чуть мне ухо не оторвал за эту рыбу. На счастье, это заметила наша сосед-ка Песя-толстая. Родная мать не заступилась бы так за сво-его ребенка.

– Разве можно так обижать сироту!

Брату Эле стало стыдно, и он отпустил мое ухо. Все за ме-ня заступаются. Мне хорошо – я сирота!

3

Наша соседка Песя-толстая влюбилась в меня. Пристала к моей матери, как клещ, чтобы я покуда жил у нее, у Песи то есть.

– Что вам сделается? – толковала она – У меня за стол са-дится двенадцать человек. А уж где двенадцать, там и три-надцатый.

Мать почти согласна. Но тут вмешивается мой брат Эля:

– А кто будет смотреть, чтобы он вовремя ходил читать молитву?

– Я буду смотреть. Чего вам еще надо?

Песя совсем не богата. Муж ее – переплетчик, звать его Мойше. Он славится как лучший мастер. Но этого мало.

Нужно к тому же и счастье. Так говорит Песя моей матери. Мать соглашается и добавляет, что даже в несчастье тоже нужно счастье. И приводит в пример меня. Вот я – сирота, а все хотят взять меня к себе. Есть даже охотники, готовые взять меня навсегда. Но не дожидаться ее врагам, чтобы она согласилась отдать меня навсегда!

Так говорит мама и плачет. Она советуется с моим братом Элей:

– Как ты думаешь? Остаться ему покуда у Песи?

Мой брат Эля уже большой. Иначе с ним не стали бы советоваться. Он поглаживает рукой еще чистое, не заросшее лицо, как если бы у него уже была борода, и говорит, как взрослый:

– Пожалуй... Лишь бы не озорничал...

На том и решили: я поживу пока у нашей соседки Песи, но при условии, что не буду озорничать. Все у них называется озорством! Нацепить кошке бумагу на хвост, чтоб кошка вертелась, – озорство! Постучать палкой по частоколу поповского двора, чтобы все собаки сбежались, – озорство! Вытащить у Лейбки-водовоза затычку из бочки, чтобы больше половины воды вытекло, – озорство!

– Счастье твое, что ты сирота! – говорит Лейбка-водовоз. – Не то я бы тебе руки и ноги перебил! Можешь мне поверить на слово!

Я верю ему на слово. Я знаю, что сейчас он меня не тронет, потому что я сирота.

Мне хорошо – я сирота!

4

Наша соседка Песя – да простит она меня! – здорово со-
врала. Она говорила, что за стол у нее садится двенадцать
человек. По-моему, я четырнадцатый. Она, видно, забыла
о слепом дяде Борухе. А может быть, она его не считала
в числе едоков потому, что он уже очень старый, беззубый
и не может жевать? Не стану спорить, жевать он действи-
тельно не может, но глотает он, как гусь, и все норовит схва-
тить лишний кусок. Да и все они за столом хватают совсем
не как люди. Я тоже хватаю. За это меня бьют. Бьют нога-
ми под столом. Больше всех колотит меня «Вашти».¹¹ У всех
здесь клички и прозвища: «Колодка», «Кот», «Буйвол», «Пе-
те-ле-ле», «Черногус», «Давай еще», «Смажь маслом»...

Будьте покойны, прозвища даны не зря. Пиню называют
«Колодкой» за то, что он толстый и круглый, как колодка.
Велвл – черный, и потому его зовут «Котом». Хаим – ува-
лень, и его прозвали «Буйволом». У Мендла – острый нос,
поэтому он «Черногус». Файтла назвали «Пе-те-ле-ле» за то,
что он говорить не умеет. Берл – ужасный лакомка: дадут ему

¹¹ Вашти (Астинь) – согласно библейской легенде (книга Эсфирь), царица, жена
царя Артаксеркса, казненная за то, что она не пожелала явиться к мужу несмот-
ря на его приказание. Позднейшая легенда объясняет нежелание Вашти явиться
к царю тем, что у нее якобы по божьей воле выросла шишка на лбу.

кусоч хлеба с гусиным жиром, а он просит: «Давай еще!» Зороха наградили позорной кличкой «Смажь маслом»: у него неприятная история, в которой он не виноват. Виновата, может быть, его мать, которая в детстве плохо следила за ним и слишком редко мыла ему голову. А может быть, и она не виновата? Спорить из-за этого не стану. А драться – по-давно!

Словом, в этом доме у всех прозвища. Чего уж больше, даже кошка, бессловесное, невинное существо, и та у них имеет прозвище: «Фейге-Лея-старостиха». А знаете, за что? За то, что она такая же толстая, как Фейге-Лея, жена старосты Нахмена. Сколько, по-вашему, все они получили затрепчин и оплеух за то, что кошку называют человеческим именем! Ничего не помогает! Как горохом об стенку! Раз дали кому-нибудь прозвище, – пропало!

5

Меня тоже прозвали – угадайте как? «Мотл-губастый». Видно, не понравились им мои губы. Когда я ем, говорят они, я шевелю губами. Хотел бы я видеть человека, который при еде не шевелит губами. Я не такой уже гордец и недотрога. Но – не знаю почему – прозвище это мне страшно не нравится! А раз оно мне не нравится, – они меня назло только так и зовут. Ужасные приставалы – вы таких в своей жизни не видали! Сначала меня называли «Мотл-губастый», затем

просто «Губастый», а потом «Губа».

– Губа! Где ты был?

– Губа! Вытри нос!

Мне досадно, обидно, и я плачу. Однажды их отец, муж Песи, Мойше-переплетчик, увидел меня в слезах и спрашивает, отчего я плачу?

Я говорю:

– Как же мне не плакать, если меня зовут Мотл, а они меня называют «Губа»!

– Кто?

– Вашти.

Мойше хочет побить Вашти, а тот говорит:

– Это не я, это – Колодка.

Отец – к Колодке, а тот говорит:

– Это не я, а Кот!

Один сваливает на другого, другой на третьего – конца не видно!

Тогда Мойше-переплетчик недолго думая разложил всех по очереди и отшлепал переплетом от большого молитвенника, приговаривая:

– Байструки! Я вам покажу, как насмеяться над сиротой! Черт бы вашего батьку драл!

Так-то! Никто меня в обиду не дает. Все, все за меня заступаются.

Мне хорошо – я сирота!

III. Что из меня выйдет?

1

Ну-ка, отгадайте, где находится рай? Вам не отгадать. А знаете почему? Потому что для каждого он в другом месте. Например, мама уверяет, что рай – там, где находится мой отец, кантор Пейся. Там, говорит она, пребывают все праведные души, страдавшие на земле. За то, что у них не было радости на земле, им полагается райское блаженство. Это же ясно как день. Лучшим доказательством может служить мой отец. Ибо где же ему быть, как не в раю? Мало он настрадался при жизни...

Так говорит мать, вытирая при этом глаза, как всегда, когда она вспоминает об отце.

Но спросите моих товарищей, – они вам наговорят с три короба: рай находится где-то на горе из чистого хрусталя, высокой, до самого неба. Мальчишки там свободны как ветер, ничего не делают, не учатся, купаются по целым дням в молоке и едят мед пригоршнями... Думаете – это все? А вот переплетчик заявляет, что настоящий рай – в бане в пятницу. Я сам слышал это от мужа нашей соседки, переплетчика Мойше. Честное слово! Вот и добейся тут толку!

Если бы меня спросили, я бы сказал, что рай – это сад

лекаря Менаше. Никогда в жизни вы такого сада не видали! Это единственный сад не только на нашей улице, не только у нас в городе, – пожалуй на всем свете нет другого такого сада. И не было и не будет! Все вам скажут!

Но что описать вам раньше? Самого лекаря Менаше и жену его Менашиху? Или расписать вам раньше самый рай, то есть их сад? Полагаю, что прежде всего нужно рассказать вам о Менаше и его жене. Они хозяева, им и честь.

2

Лекарь Менаше и зимой и летом ходит в пелерине. Он подражает черному доктору. Один глаз у него меньше другого, а рот у него, – не про меня будь сказано, – слегка съехал набок. То есть не слегка, а здорово, здорово съехал. Его как-то ветерком продуло. Так говорит сам Менаше. Я никак не пойму, как может ветерок своротить рот на сторону? Сколько ветров – и слабых и сильных – продувало меня за мою жизнь! Всю голову должно было бы мне своротить задом наперед... Я думаю, что это просто привычка – привык человек, и все. Вот, к примеру, есть у меня товарищ Берл, – он моргает глазами. Или, скажем, другой товарищ, Велвл, – тот, когда говорит, будто суп с лапшой хлебает. Все на свете – только привычка. Однако, хоть рот у него набоку, Менаше обделывает свои дела почище всех докторов. Во-первых, он из себя не корчит такого барина, как другие доктора.

Как только его позовут, он тут же прибегает запыхавшись. А во-вторых, он не прописывает рецептов. Лекарство он изготавливает сам. У меня как-то вдруг появились озноб и лихорадка, начало колоть в боку (наверное, от слишком долгого купания), – мать сразу же помчалась и привела лекаря Менаше. Он осмотрел меня и сказал своим кривым ртом, обращаясь к маме:

– Нечего пугаться. Пустяки. Сорванец простудил легкие.

При этом он достал из кармана синий пузырек и насыпал в шесть бумажек чего-то белого. «Порошки» называется это. Один порошок он велел мне принять сейчас же. Я, конечно, стал ломаться и вертеться во все стороны. Чуюло мое сердце, что это горько как смерть. Так оно и было. Я угадал! Но горечь горечи рознь. Вы пробовали когда-нибудь свежую кору с молодых кустов? Вот такой вкус имели его порошки. Вообще, имейте в виду: уж ежели порошки, значит горькие. Однако не помог мне никакой господь бог. Я принял порошок и света белого невзвидел... Остальные пять, наказал он маме, я должен принимать через каждые два часа. Нашел охотника желчь глотать! Только мать отвернулась на минутку, – пошла рассказать моему брату Эле, что я заболел, – я все пять порошков высыпал в помойное ведро, а в бумажки насыпал муки.

Ну и работа же досталась матери: каждые два часа бегать к соседке Песе смотреть на часы. После каждого принятого мною порошка, замечала она, мне становится лучше. А по-

сле шестого порошка я встал совершенно здоровым.

– Вот это доктор! – сказала мать.

Она не пустила меня в хедер, держала целый день дома и кормила сладким чаем с белой булкой.

– Менаше – всем докторам доктор! Дай ему бог здоровья и долголетия! У него есть порошки, которые воскрешают мертвых, возвращают жизнь...

Так потом хвасталась мать перед всеми, вытирая по своему обыкновению глаза.

3

Жену Менаше называют по мужу Менашихой-лекарихой. Она вредная женщина. Это все говорят! Знаете почему? Потому что она очень злая. Лицо у нее, как нарочно, мужское, голос мужской, сапоги носит мужские, а когда говорит, всегда кажется, что она сердится. Вообще, слава о ней идет неважная. Ни разу в жизни она нищему куска хлеба не подала. А дом у нее полон добра. Вы можете найти у нее варенье и прошлогоднее, и трехлетнее, и даже десятилетнее. К чему ей, скажите, столько варенья? Спросите у нее, – она и сама не знает. Такой уж у нее характер. Пропавшее дело – ее не переделаешь! Она знает одно: чуть наступило лето, только и делает что варенье варит! Думаете, она варит на углях? Как бы не так! На колючках, на шишках, на опавших листьях. Такого дыму напустит на всю улицу, что задохнуться можно.

Если вам случится как-нибудь попасть к нам летом и вы почувствуете, что горелым пахнет, не пугайтесь – это не пожар. Это Менашиха-лекариха варит варенье – собственноручно, из собственных фруктов, в собственном своем саду.

Итак, мы добрались до сада, о котором я обещал рассказать.

4

Чего-чего только нет в этом саду! Яблоки, и груши, и черешни, и сливы, и вишни, и крыжовник, и смородина, и персики, и шпанка, и абрикосы, и малина, и шелковица... Чего уж больше – даже виноград к Новому году¹² можно получить у лекарихи Менашихи. Правда, когда попробуешь этот виноград, глаза на лоб лезут – до того он кислый. И все же она за него получает хорошие деньги! Из всего она умеет делать деньги. Даже из подсолнуха. Упаси вас бог попросить у нее подсолнух! Не даст. Она скорее даст вырвать себе зуб изо рта, нежели подсолнух из огорода. А уж яблоко, грушу, вишню или сливу – и говорить нечего! Не дай бог! Я знаю этот сад, как богомольный еврей слова молитвы. Знаю даже, где какой кустик находится, и что на нем растет, и уродит-

¹² Виноград к Новому году... – Новый год по еврейскому религиозному календарю бывает, примерно, в сентябре. В Новый год принято произносить благословение над только что поспевшими и впервые отведываемыми плодами, обычно – над виноградом.

ся ли на нем что-нибудь в этом году. Откуда я все это знаю? Не пугайтесь, я там еще никогда не бывал. Да и как я мог бы там быть, когда сад огорожен высоким забором с ужасными колючками наверху? Вы думаете, это все? В самом саду есть еще собака. Не собака – волк лютый. На длинной веревке он привязан, этот треклятый пес, и пусть кто-нибудь отважится пройти мимо или пусть этому дьяволу только померещится, что кто-то идет мимо, – он начинает рваться с привязи, прыгать и лаять так свирепо, как будто сам черт его за душу хватает!

Спрашивается: как же я мог попасть в сад?

А вот послушайте – я вам расскажу.

5

Мендла, сына нашего резника, вы не знаете? Стало быть, где он живет, вы и подавно не знаете. А дом его – рядом с домом лекаря Менаше и окнами глядит прямо в сад. Если сидеть у Мендла на крыше, – видно все, что делается в саду у лекаря. Весь фокус в том, чтобы взобраться к Мендлу на крышу. Мне это нипочем. Знаете почему? Потому что дом Мендла – рядом с нашим и гораздо ниже нашего. Стоит только вскарабкаться к нам на чердак (я это проделываю без лестницы; при случае я, быть может, расскажу вам, каким образом) и просунуть ноги в слуховое окошечко, – и вы уже на крыше у резника. Там вы можете улечься как вам

удобно; лицом кверху или лицом книзу. Во всяком случае, лежать вам придется обязательно, иначе вас могут, не дай бог, увидеть: а что вы там делаете у Мендла на крыше?... Я обыкновенно выбирал для этого сумерки, когда надо было идти в синагогу читать поминальную. И день еще не кончился, и вечер не наступил – самое лучшее время. Если смотреть с этой крыши, то, клянусь вам, сад не сад, а рай земной!..

В начале лета, когда деревья начинают цвести, покрываться белыми пушинками, знаете – не сегодня-завтра на низеньких колючих кустах покажется зеленый крыжовник. Это первый плод, который вам хочется попробовать. Есть люди, которые дожидаются, пока крыжовник станет красным. Глупцы! Уверяю вас, когда крыжовник еще зелен, он гораздо вкуснее и приятнее. Скажете – кислятина? Оскомину набивает? Ну и что же? Кислое так приятно, а против оскомины есть средство – соль. Насыпать на зубы соли, держать с полчаса рот открытым, – и можете снова есть тот же крыжовник...

После крыжовника поспевают красная смородина. Пунцовые, с черными точечками, с желтыми зернышками ягоды десятками висят на каждой веточке. Проведите одной только веточкой между губ, и у вас полон рот ягод, кисленьких, душистых – объедение! Когда они поспевают, мать покупает мне на грош кружечку смородины, и я ем ее с хлебом.

У лекарихи в саду два ряда маленьких приземистых кустов, усыпанных смородиной. Она так и рдеет на солнце,

сверкает, и так хочется хоть веточку, хоть смородинку ухватить двумя пальцами, сорвать и – прямо в рот! Поверите ли, даже когда говорю о зеленом крыжовнике и красной смородине, я уже чувствую оскмину на зубах.

Поговорим лучше о черешне. Черешня недолго остается зеленой. Она быстро поспевает. Могу поклясться чем угодно – я сам видал, лежа у Мендла на крыше: несколько черешен утром были зеленые, как трава. Я их хорошо приметил. Днем у них на солнце зарумянились щечки. А к вечеру они уже были ярко-красные, как огонь!

И черешню мне мать иногда приносила. Но сколько? Пять штук на нитке. Что делать с пятью штуками? Играешь с ними, играешь, а там и сам не заметишь, куда они девались...

6

Черешен у Менаше-лекаря в саду, что звезд на небе. Вы понимаете, конечно, что я не прочь был подсчитать, сколько ягод на одной ветке. Напрасный труд. Считал, считал и никак не мог сосчитать. Черешня крепко держится на прутиках. Редко-редко какая черешня упадет с дерева – разве что перезреет, станет черной, как слива. Вот персики, видите ли, – те падают, как только хорошенько пожелтеют. Ах, персики! Персики! Люблю их больше всего. За всю свою жизнь я съел только один персик, но вкус его до сих пор чувствую во рту. Это было несколько лет тому назад, мне тогда

и пяти еще не исполнилось. Отец был жив, и в доме у нас тогда еще было все – и стеклянный шкаф, и кушетка, и книги, и постель. И вот однажды приходит отец из синагоги и, сунув руку в задний карман сюртука, где лежит носовой платок, обращается ко мне и к моему брату Эле:

– Дети! Персики будете кушать? Я принес вам персики. Два персика.

Он вынимает руку из заднего кармана, где лежит носовой платок, и подносит мне и брату Эле два больших, желтых, круглых, пахучих плода. Брату Эле не терпится. Он вслух произносит молитву «Благословен созидаящий плоды», – и сразу засовывает весь персик в рот. Я предпочитаю раньше всласть наиграться, нанюхаться, налюбоваться и только потом принимаюсь есть. И то не весь сразу, а по кусочкам и – с хлебом. Персики хороши с хлебом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.